

Глава VI.

„Большой процессъ“ или процессъ „193-хъ“ зимою 1877-78 гг. Впечатлѣніе, произведенное имъ на общество и молодежь. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ 24 января 1878 года. Вооруженное сопротивленіе Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ 31 января 1878 г. Общественное настроеніе. Движеніе среди молодежи высшихъ учебныхъ заведеній. Дѣятельная пропаганда землевольцами революціонно-народнической программы среди молодежи и рабочихъ Петербурга. Агитація землевольцевъ среди интеллигенціи и рабочихъ въ Петербургъ зимою 1877-78 гг. Попытка организаціи уличной демонстраціи, съ подачей адреса министру Палену, среди учащейся молодежи. Демонстрація, устроенная землевольцами среди рабочихъ Васильевостровскаго патроннаго завода въ началѣ зимы 1878 г. Дѣятельное участіе землевольцевъ въ стачечномъ движеніи петербургскихъ рабочихъ въ 1878 году: въ стачкѣ на Новой бумагопрядильнѣ въ мартѣ 1878 года и въ стачкѣ на бумагопрядильной фабрикѣ Кенига въ концѣ того же года. Съездъ землевольцевъ зимою 1877-78 гг. Предложенія Валеріана Осинскаго. Дебаты по поводу этихъ предложеній, и окончательныя постановленія съезда—Большого Совѣта. Пересмотръ программы общества „Земля и Воля“ и устава организаціи его. Привлеченіе новыхъ членовъ въ общество. Тѣсныя федеративныя связи съ революціонно-народническимъ кружкомъ В. Н. Фигнеръ. Новыя землевольскія поселенія: ново-саратовское, тамбовское и воронежское. Типографская и издательская группы землевольцевъ. Землевольская тайная типографія „Вольная русская типографія“, переименованная въ концѣ 1878 г. въ „Петербургскую вольную типографію“. Ея подпольныя изданія и ея организаторъ—Ааронъ Зунделевичъ.

Зима 1877-78 гг. ознаменовалась цѣлымъ рядомъ капитальной важности событій, предвѣщавшихъ, если не полное и рѣшительное перераспредѣленіе революціонныхъ силъ, то во всякомъ случаѣ накопленіе и концентрацію ихъ въ опредѣленномъ, отклоняющемся отъ основной тенденціи общества «Земля и Воля», направленіи.

Въ Петербургѣ тогда шелъ такъ называемый «Большой процессъ» или процессъ «193-хъ»,—этотъ, по выраженію Плеханова, «долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей».

Общественное возбужденіе, достаточно уже подготовленное «процессомъ 50-ти», достигло теперь значительной высоты. Предъ обществомъ предстали теперь новые герои, новые мученики. Жестокій правительственный гнетъ выступилъ теперь во всей его ужасающей наготѣ. Усиліями прокуратуры и жандармеріи создано «громное дѣло»: 3800 человекъ (считая въ томъ числѣ и всѣхъ свидѣтелей) привлекается къ нему; число обвиняемыхъ—193. Четыре года готовится оно, это убійственное дѣло; четыре года томятся обвиняемые въ предварительномъ заключеніи; въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ умираетъ около 70 человекъ. Наконецъ, судъ насталъ.

Предъ изумленной публикой проходятъ ужъ теперь не «лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя съ спокойнымъ взоромъ и дѣтски-безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата»*), а мощныя, стальные фигуры борцовъ за свободу—фигуры Мышкина, Ковалика, Рогачева, Войнаральскаго, Брешковской

*) Слова С. Кравчинскаго о подсудимыхъ дѣвушкахъ по „Московскому процессу 50-ти“.

и пр.! Они—не подсудимые, а грозные обвинители: они требуют народного суда, а не суда «подлыхъ, холопствующихъ изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ, торгующихъ чужою жизнью, истинной и справедливостью... чиновниковъ» (слова Мышкина на судѣ). Страстная, боевая рѣчь Мышкина прозвучала смертнымъ приговоромъ существующему общественно-государственному строю. Этотъ безстрашный, гордый внутренней своей силой, революционеръ, начерталь тогда на стѣнахъ «скараго и милостиваго» суда роковыя слова:—«Факель, Мани, Фаресь» современнымъ идоламъ. Рѣчь Мышкина потрясла всѣхъ присутствующихъ. Безсильный въ своемъ гнѣвѣ судъ пускаетъ въ ходъ жандармскіе кулаки, которые обрушиваются на Мышкина и ближайшихъ его товарищей. Въ залѣ суда подымается оглушительный шумъ, начинается свалка, слышны рыданія, падаютъ въ обморокъ; публика удаляется силою. Судъ убѣгаетъ. Въ отвѣтъ на эту возмутительную судебную необузданность послѣдовалъ со стороны обвиняемыхъ окончательный отказъ принимать участіе въ судебномъ процессѣ.

Вѣсть о происшедшемъ на судѣ мигомъ облетѣла весь Петербургъ. Всѣ негодуютъ: и общество, и молодежь въ особенности.

Но это еще цвѣточки, а ягодки еще впереди.

«Наступали первые дни 1878 года*). Процессъ 193-хъ кончился. «Снисходительный» приговоръ, послѣ тяжелаго многолѣтняго заключенія, былъ давно представленъ на утверженіе императора. Наши товарищи, сидя въ казематахъ петропавловской крѣпости, уже строили планы новой жизни, всецѣло посвященной служенію свободѣ и родному краю. Дни шли за днями; заключенные мало-по-малу сживались съ мыслью о волѣ; эта мысль сдѣлалась, наконецъ, неотъемлемой частью всѣхъ ихъ помысловъ и мечтаній. Но вотъ сначала тихо, а потомъ все громче и громче стала разноситься по городу невѣроятная новость: вслѣдствіе настояній Палена и Мезенцева, государь отвергъ ходатайство сената о замѣнѣ для осужденныхъ каторги ссылкой на поселеніе. Двѣнадцать нашихъ товарищей были осуждены на медленную смерть въ одной изъ центральныхъ тюремъ».

Въ числѣ осужденныхъ на каторгу и не помилованныхъ были слѣдующія лица: И. Мышкинъ, Пор. Войнаральскій, С. Коваликъ, Дм. Рогачевъ, Мит. Муравскій, Мих. Сажинъ, Т. Квятковскій, Л. Шишко, Ек. Брешковская, А. Лукашевичъ, Н. Чарушинъ и И. Союзовъ (И. Добровольскій бѣжалъ послѣ объявленія приговора за границу).

Это произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Особенно сильно волновалась молодежь. А между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. 24 января 1878 года совершенно неожиданно, словно громъ среди яснаго дня, раздался историческій выстрѣлъ Вѣры Засуличъ: раненъ Треповъ. Оскорбленіе, нанесенное Боголюбову и партіи, смыто кровью гнуснаго оскорбителя. А шесть дней спустя—30 января—снова раздаются выстрѣлы. Это—Ковальскій и его товарищи въ Одессѣ отбиваются съ оружіемъ въ рукахъ отъ устроившихъ на нихъ облаву полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ.

*) Изъ фельетона „Земли и Воли“ № 4. См. „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, стр. 337. Изд. Базилевскаго, 1905 г.

Описанныя событія слѣдовали одно за другимъ съ такою неожиданностью и стремительностью, что совершенно переполошили всѣхъ—и общество, и молодежь, и правительство. Чувствовалось, что въ общественной, такъ сказать, атмосферѣ все болѣе и болѣе накаплиются и сгущаются оппозиціонныя настроенія, и что эти настроенія становятся все болѣе и болѣе напряженными. Казалось, что все благопріятствовало этой надвигающейся со всѣхъ сторонъ конденсаціи общественнаго протеста.

Только что окончившаяся безславно «освободительная война» за братьевъ-славянъ, полное дипломатическое поражение нашей официальной «великой державы», крайнее хозяйственное истощеніе страны, какъ финалъ этой войны, съ неизбѣжными спутниками этого истощенія—голодовками,—вотъ что предстало во всей наготѣ предъ глазами общества въ итогъ 1877 года. И апатичное, инертное общество, послѣ почти 10-тилѣтняго непробуднаго сна, зашевелилось наконецъ. Оно сознало, что дальше спать преступно, что преступно умыть, какъ Пилать, руки въ то время, когда рядомъ съ нимъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ, ведутъ вотъ уже четыре года неустанную борьбу съ правительствомъ его же дѣти,—молодая, революціонная Россія.

Послѣдніе два процесса — «процессъ 50-ти» и «процессъ 193-хъ»—словно раскрыли обществу глаза.

Съ одной стороны—мученики, апостолы освобожденія народа, а съ другой—тупое насиліе темной правительственной реакціи. «Времена апостольскія возвращаются!» въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

«Новая сила нарождается!»—говорили другіе.

И симпатіи общества,—по крайней мѣрѣ, лучшей его части,—безповоротно перешли на сторону революціонной молодежи. А симпатіи къ революціонерамъ, сочувствіе имъ, означало теперь рѣшительную оппозицію правительству, полное осужденіе всей его политики, возможное въ ближайшемъ будущемъ болѣе активное содѣйствіе его, общества, революціонной борьбѣ молодежи, если не самостоятельное дѣятельное выступленіе его.

Таково было настроеніе большихъ круговъ общества подъ вліяніемъ описанныхъ событій зимы 1877-78 годовъ.

Я въ то время какъ разъ былъ въ Петербургѣ и воочию видѣлъ это приподнятое настроеніе общества. Въ либеральныхъ кругахъ то и дѣло были разговоры о конституціи: одни надѣялись, что самъ государь, вернувшійся съ поля битвы въ благодушномъ настроеніи, будетъ «вѣнчать зданіе»; другіе полагали, что, для достиженія этой цѣли, необходимо нѣкоторое общественное давленіе, въ формѣ общественныхъ петицій или адресовъ, обращенныхъ на Высочайшее имя; наконецъ, третьи, болѣе скептически настроенные, ратовали за организацію, прежде всего, подпольнаго революціонно-конституціоннаго органа, съ цѣлью распространенія въ широкихъ слояхъ публики идей политической свободы и созиданія въ нихъ соотвѣтственнаго освободительнаго настроенія. Послѣдніе то и дѣло пытались сблизиться на тѣхъ же основаніяхъ съ революціонерами вообще, а въ частности—съ нами, землевольцами. О та-

кой попыткѣ одной изъ кievскихъ либеральныхъ группъ скажу здѣсь попутно два слова.

Въ январѣ 1878 года, одновременно съ Валеріаномъ Осинскимъ прибылъ въ Петербургъ депутатъ отъ кievской группы конституціоналистовъ, если не ошибаюсь, Ювеналіевъ, съ предложеніемъ намъ, землевольцамъ, совмѣстно издавать революціонный органъ. Предложеніе это внесъ въ совѣтъ Валеріанъ; оно, конечно, провалилось съ трескомъ: литературный блокъ этотъ ни въ комъ изъ землевольцевъ не встрѣтилъ никакого сочувствія, да и самъ Валеріанъ Осинскій, внесшій это предложеніе, занялъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько колеблющуюся позицію. Зато болѣе рѣшительно было другое предложеніе, внесенное также Валеріаномъ отъ имени вышеупомянутаго кievскаго депутата, а именно: напечатать въ нашей «вольной типографіи» прокламацію кievскихъ конституціоналистовъ къ русскому обществу.

Гвоздемъ этой прокламаціи, помнится, была конституція или Земскій Соборъ. Начались дебаты, мнѣнія раздѣлились. Правовѣрные народники—Преображенскій, «Родіонъчъ» (М. Р. Поповъ), Мощенко и пишущій эти строки—высказались безусловно противъ напечатанія въ землевольской типографіи такихъ воззваній и литературныхъ произведеній, которыя идутъ вразрѣзъ съ основными соціально-политическими воззрѣніями общества «Земля и Воля». Къ нимъ присоединились и другіе «деревенщики». Валеріанъ горячо отстаивалъ свое предложеніе. «Наша типографія,—говорилъ Осинскій,—вольная типографія, и она должна таковой быть не только по имени: каждое вольное, протестующее слово должно найти въ ней мѣсто. Отказываясь напечатать это воззваніе, мы подрываемъ собственную основу, святую святыхъ нашего революціоннаго credo—право свободы слова. Наша типографія—единственная вольная типографія въ Россіи, откуда исходитъ свободное слово. Дадимъ же черезъ нашу типографію и другимъ возможность сказать тоже свое вольное слово!» Валеріана поддерживали Оболеншевъ-Сабуровъ, Зунделевичъ, Ольга Натансонъ. Дебаты затягивались, страсти разгорались. Въ пылу спора, пишущій эти строки заявилъ категорически, что если, паче чаянія, это воззваніе будетъ отпечатано, то онъ, съ своей стороны, приметъ всѣ мѣры, чтобы изъять оное изъ обращенія, что за медико-хирургическую академію онъ вполне ручается, что во всякомъ случаѣ въ среду молодежи оно не будетъ допущено. Поднялся шумъ. Въ концѣ-концовъ кто-то предложилъ такой компромиссъ: воззваніе конституціоналистовъ отпечатать, но съ оговоркою отъ общества «Земля и Воля», что отпечатаніе этой прокламаціи отнюдь не выражаетъ солидарности «общества» съ политическими взглядами, высказанными въ ней, что это сдѣлано лишь ради, такъ сказать, политическаго убѣжища свободному слову вообще, гонимому въ Россіи. На этомъ всѣ и согласились. Сейчасъ не могу сказать, было ли дѣйствительно напечатано упомянутое воззваніе у насъ или нѣтъ: у меня подъ руками сейчасъ нѣтъ никакихъ вообще землевольскихъ прокламацій и изданій.

Возбужденіе общества, между тѣмъ, возрастало.

Въ историческій день 31 марта 1878 года,—въ день оправданія Вѣры Засуличъ,—общественное броженіе достигло своего апогея. «Въ этотъ день, — говоритъ конституціонный «Летучій Листокъ»*),—общество, «избранное общество», по сознанію «Москов. Вѣдом.», впервые оцѣнило героизмъ молодежи, гибнувшей въ тюрьмахъ и на каторгѣ.

Оно услышало возмутительныя подробности генеральскаго издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ, узнало прошлое самой Засуличъ, заглянуло въ ея чистую душу и не только вынесло ей, въ лицѣ присяжныхъ, юридическое оправданіе, но признало ее воплощеніемъ русской совѣсти и мысли.

.....«Мы знали, конечно, и прежде, гдѣ мы живемъ, но на этотъ разъ страшная истина, позорная, предстала во всей наготѣ и мы почувствовали, до какой степени безсловесна и безсудна наша родина.

Наша пресса, измученная и погребенная подъ бременемъ безсудности, славословила освобожденіе славянъ и молчала о рабствѣ Россіи.

Общественное мнѣніе тоже не смѣло наказать баши-бузускаго генерала. И насъ охватили негодованіе и жгучій стыдъ. Съ тѣхъ поръ между правительствомъ и обществомъ открылась пропасть и въ нынѣшнее же лѣто, отъ оправданія Засуличъ первое, царствованія же Александра II двадцать четвертое, фактъ передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки долженъ обратиться въ принципъ».

.....«Мы не смѣемъ жертвовать тѣми честными лицами, которыми «тяжело поднять руку на человѣка» (слова Вѣры Засуличъ на судѣ), и не можемъ отдаваться на жертву мясникамъ, которымъ это легко. Нуженъ выходъ. Его указываетъ самое положеніе вещей. Само правительство инстинктивно вовлекается въ водоворотъ».

.....«Таковы факты. Разрозненные, беспорядочные, они должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: конституція, земскій соборъ». (Курсивъ автора «Летучаго Листка». О. А.).

Вотъ, наконецъ, какимъ языкомъ заговорили наши либералы еще въ апрѣлѣ 1878 года. Они не только вообще симпатизируютъ революціонной молодежи въ ея борьбѣ съ правительствомъ, но берутъ прямо подъ защиту,—правда, чисто идейную,—революціонеровъ-террористовъ, санкціонируютъ ихъ дѣятельность, какъ неизбѣжный логическій отвѣтъ на правительственное беззаконіе.

Разъ начавшееся общественное броженіе не улеглось.

Дальнѣйшіе факты русской дѣйствительности 1878 года, какъ нарочито, развертывались съ такой желѣзной послѣдовательностью, что не давали уже уснуть взбудораженному русскому обществу; они, эти событія, подобно осамъ и шмелямъ дантовскаго «преддверія въ адъ», не давали покоя своимъ жаломъ этому обществу. Заговорили, наконецъ,—правда, полусвободнымъ только языкомъ,—

*) «Летучій Листокъ» № 1-й. Апрѣль 78 г. „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Изд. Базилевскаго, 1895 г. Paris. 111—113.

даже такіе глухонѣмые, какъ профессора высшихъ учебныхъ заведеній.

Я имѣю въ виду докладную записку совѣта харьковскаго университета отъ 16 декабря 1878 года, поданную на имя министра народнаго просвѣщенія. Въ докладной запискѣ своей совѣтъ университета рѣзко протестуетъ противъ избіенія студентовъ казаками 14 декабря 78 года.—«Образъ дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей г. Харькова 14 декабря*»),—говорится, между прочимъ, въ докладной запискѣ,—возбуждаетъ во всѣхъ насъ чувство неодолимаго негодованія»..... «Протестуя искренне и сознательно противъ мѣръ, наносящихъ ударъ достоинству университета и внутреннему благу дорогого нашего отечества, мы обращаемся теперь къ заступничеству Вашему предъ Государемъ Императоромъ, какъ верховнымъ покровителемъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы просимъ Ваше Сіятельство о правосудіи въ настоящемъ дѣлѣ для охраны достоинства, нравственнаго вліянія и полезной въ обществѣ роли Императорскаго Харьковскаго Университета».

Нельзя сказать, чтобы это былъ языкъ свободныхъ людей!

Болѣе ужъ свободнымъ языкомъ заговорили почти въ то же время харьковскіе земцы. На циркулярное обращеніе правительства къ земствамъ оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ революціонной гидрой, съ которой оно само, правительство, не можетъ справиться,—послѣдовалъ отвѣтныи «адресъ» съ просьбою дать «конституцію», т.-е. по меньшей мѣрѣ,—дать право такъ или иначе обсуждать политическіе вопросы. За этотъ фортель Гордѣнко, авторъ адреса, былъ награжденъ административной высылкой. Харьковское «требованіе конституціи» было не единственное въ этомъ родѣ.

Подобныя же попытки были и въ Орлѣ и въ Полтавѣ, но онѣ, по «независящимъ обстоятельствамъ», не успѣли вылиться въ опредѣленную форму.

Познакомившись съ настроеніемъ общества въ 1878 году, обратимся теперь къ нашей учащейся молодежи.

Какъ извѣстно, самымъ чувствительнымъ барометромъ нашего, такъ сказать, политическаго давленія была всегда и есть наша учащаяся молодежь. Въ описываемое нами время, т.-е. въ зиму 1877—78 годовъ, она, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ событий, показала себя въ лучшемъ видѣ. Она буквально рвалась въ бой—куда бы ее ни повели. «Жажла дѣятельности и борьбы,—разсказываетъ Плехановъ въ своемъ «Рабочемъ въ русской революціи» (стр. 31),—пробуждалась въ самыхъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы многихъ и многихъ охотниковъ». Необходимо было воспользоваться этимъ бурнымъ настроеніемъ молодежи, необходимо было оформить ея идейное содержаніе и дать опредѣленное направленіе, исходъ ея накопившейся энергіи—революціонной воли ея.

И за это дѣло взялось общество «Земля и Воля». Куй желѣзо, пока горячо!

*) «Земля и Воля» № 4. Отдѣлъ: «Документы». Приведено у В. Базилевскаго «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ».

Какъ разъ въ это время въ Петербургъ съѣхалось много землевольцевъ по тѣмъ или другимъ причинамъ: однихъ изгнало изъ провинці крушеніе ихъ деревенскихъ поселеній, другихъ Петербургъ привлекъ по специальнымъ дѣламъ,—по соображеніямъ чисто дезорганизаторскаго характера. Въ Петербургѣ, такимъ образомъ, оказалось много членовъ изъ «деревенщины»—саратовскаго, нижегородскаго и донскаго поселеній—и лицъ дезорганизаторской группы. вмѣстѣ съ администраціей и специальными петербургскими группами пріѣхавшіе землевольцы образовали тогда Большой Совѣтъ. Въ составѣ его (конечно, временномъ: Большой Совѣтъ не составлялъ отдѣльной группы, съ разъ навсегда опредѣленными функціями—онъ собирался совершенно случайно, вызванный къ жизни исключительной комбинаціей обстоятельствъ) тогда оказались слѣдующія лица: Ольга Натансонъ, Обошешевъ, Зунделевичъ, Адрианъ Михайловъ, Булановъ, М. Р. Поповъ, Преображенскій, Троцанскій, Мощенко, Хотинскій, Квятковскій, Осинскій, Плехановъ (прібывшій позже другихъ,—если не ошибаюсь, въ концѣ декабря 1877 года), Лизогубъ, Баранниковъ, Тулисовъ и Аптекманъ.

Одновременно почти прибыли въ Петербургъ В. Н. Фигнеръ съ ея друзьями и южане-народники: М. Фроленко, Пѣпко, Волошенко и Чубаровъ. Кромѣ того были еще многіе одиночки-народники, въ числѣ ихъ особенно близко къ намъ стояла С. Н. Лаврова, личный другъ Ольги Натансонъ, одна изъ выдающихся могоиканокъ пропагандистскаго періода революціоннаго движенія.

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ собралась-таки довольно значительная группа революціонеровъ, такъ или иначе тяготѣвшихъ къ обществу «Земля и Воля». Само собою, возникъ вопросъ, какъ использовать наличныя силы, особенно въ виду переживаемаго момента общественнаго возбужденія и подъема энергіи въ средѣ молодежи. Кромѣ того, предстояли еще неотложныя дѣла самой организаціи «Земля и Воля», а потому присутствіе многихъ членовъ «основнаго кружка» общества было тогда весьма кстати.

На очереди стояли слѣдующіе вопросы:

Во-первыхъ, пересмотръ, какъ это требовалось уставомъ общества, программы и самаго устава.

Во-вторыхъ, окончательная организація типографской и издательской группъ. Типографія уже существовала подъ именемъ «Вольной русской типографіи» и уже начала функціонировать.

Въ-третьихъ, организація въ ближайшемъ будущемъ изданія центральнаго литературнаго органа общества «Земля и Воля».

Въ-четвертыхъ, привлеченіе новыхъ членовъ въ общество.

Въ-пятыхъ, пропаганда и агитація, въ виду общаго возбужденія умовъ, въ средѣ молодежи, рабочихъ и общества.

Послѣдніе два вопроса были тѣсно связаны между собою, такъ какъ пора оживленной пропаганды и агитаціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пора наиболѣе энергичнаго рекрутированія свѣжихъ революціонныхъ силъ.

Въ-шестыхъ, приведеніе въ окончательный порядокъ уже имѣвагося у насъ фонда революціоннаго, такъ называемаго, фонда Лизогуба и пріисканіе новыхъ источниковъ дохода.

Этимъ, поскольку могу припомнить, исчерпывается содержаніе тѣхъ очередныхъ вопросовъ, которые подлежали рѣшенію Большого Совѣта. Конечно, по пути возникала еще масса другихъ второстепенныхъ или же совершенно случайныхъ вопросовъ,— и эти тоже рѣшались тутъ же на Совѣтѣ. Предварительно всѣ вопросы разсматривались и обсуждались на Маломъ Совѣтѣ, а потомъ, послѣ того, какъ эти вопросы значительно выяснились уже и достаточно, такъ сказать, провентилировались, они представлялись на окончательное разсмотрѣніе Большого Совѣта.

Центральное мѣсто въ нашей работѣ, само собою, занимала тогда наша программа. На ней покоилось наше общество, да и не только наше: революціонно-народническое направленіе было тогда достояніемъ не только землевольцевъ, но и многихъ другихъ революціонныхъ кружковъ.

Программа была нашимъ боевымъ орудіемъ, при помощи котораго мы, народники-революціонеры, пропагандируя и агитируя, пріобрѣтали себѣ сторонниковъ набирали новыхъ членовъ, пополняли свои ряды. Понятное дѣло, что это орудіе надо было хорошенько отточить, чтобы съ его помощью не только умѣть побѣждать, но и умѣть удерживать плоды побѣды. По-прежнему, главнымъ операционнымъ базисомъ нашей пропаганды,—пропаганды народническихъ идей,—была опять-таки молодежь, молодая интеллигенція.—«Сама же молодежь находилась въ нерѣшительномъ положеніи. Два, если не полярныхъ, то во всякомъ случаѣ различныхъ теченія проходили предъ ея глазами: марксизмъ и народничество. Куда пристать? Марксизмъ (соціализмъ) имѣлъ за собою обаяніе научной доктрины, блистательную традицію великихъ борниковъ въ западно-европейскомъ движеніи, многомилліонную массу рабочаго класса... Но народничество—что оно такое? Гдѣ его прошлое и что сулило оно въ будущемъ? Молодежь имѣла право задавать такіе вопросы, и пропаганда народничества была необходима и современна. Дѣло въ томъ, повторяю, что народничество въ то время было для массы молодежи совершенно новымъ явленіемъ какъ теоретически, такъ и практически. Было необходимо прежде всего установить начала народничества, которыя послужили бы критеріемъ какъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ теоретическаго свойства, такъ и всѣхъ вопросовъ практическаго. Во-вторыхъ, необходимо было, чтобы эти начала крѣпко уяснили и усвоили себѣ сами народники, такъ какъ нерѣдко случалось, къ величайшему недоумѣнію постороннихъ, что сами народники не понимали другъ друга, особенно въ вопросахъ практическихъ. Были народники-анархисты, были народники-якобинцы, были и такіе, въ головѣ которыхъ мирно укладывался самый крайній экономическій радикализмъ съ самымъ несноснымъ политическимъ консерватизмомъ. Такой важный обществнный факторъ, какъ политическая организація, сознательно и систематически игнорировался.

Значеніе и роль его сводилась просто на нѣтъ. Одни наивно думали, что народъ, предоставленный самому себѣ, сумѣетъ на другой день революціи создать прекрасный изъ прекрасѣйшихъ порядковъ: «создать вольный союзъ вольныхъ общинъ». Другіе, наоборотъ, считали это возможнымъ только при помощи сильной диктатуры. Недоумѣніямъ, недоразумѣніямъ всякаго рода, предразсудкамъ не было конца. Среди самихъ землевольцевъ была масса разногласій и главнымъ образомъ по поводу практическихъ вопросовъ» (изъ моихъ неизданныхъ воспоминаній 1883-84 гг.)

Понятно, почему съ самаго начала вниманіе землевольцевъ было сосредоточено на программѣ.

Потребность въ стройной, выдержанной во всѣхъ частяхъ программѣ была тогда всеобщей потребностью: это было повелительное требованіе тогдашней русской дѣйствительности. Я хорошо припоминаю тѣ предварительныя наши небольшія совѣщанія, которыя почти ежедневно по вечерамъ происходили на квартирѣ Квятковскаго и на которыхъ обсуждалась наша программа. На этихъ совѣщаніяхъ почти постоянно присутствовали Ольга Натансонъ, Оболезевъ, М. Поповъ, Адрианъ Михайловъ, Зунделевичъ, когда онъ не бывалъ въ разъѣздахъ; нерѣдко на эти собранія приходилъ и Преображенскій (Плехановъ позже, по возвращеніи изъ Саратова, присоединился къ нашимъ совѣщаніямъ). Эти собранія наши глубоко врѣзались въ моей памяти по тому живому интересу и той глубокой серьезности, съ какими пунктъ за пунктомъ разсматривалась программа. Особенно политическому элементу программы посвящалось много времени. Ольга Натансонъ и Оболезевъ уже тогда стояли за введеніе политическаго элемента въ нашу программу, но оба они высказывались очень осторожно, словно щупали еще почву, провѣряли себя, сопоставляя свои взгляды со взглядами другихъ товарищей, особенно «деревенщиковъ».

Оболезевъ разъ мнѣ прямо поставилъ вопросъ: «Отчего вы, Осипъ, противъ конституціи?»

Я сталъ горячо говорить. Сущность всей моей аргументаціи можетъ быть формулирована такъ: политическая свобода безъ экономическаго равенства—фикція, вредная фикція: исторически, на Западѣ, она привела лишь къ болѣе тяжкому поработенію рабочихъ массъ. И у насъ будетъ то же: господство буржуазіи, да еще азіатски-невѣжественной и византійски-ограниченной.

— Мы будемъ тогда бороться противъ этого, Осипъ! Что намъ помѣшаетъ?—возразилъ «Лешка».

— Нѣтъ! бороться будетъ труднѣе: буржуазія успѣетъ сорганизоваться, — во-первыхъ; а во-вторыхъ, — обманчивая буржуазная политическая свобода отвлечетъ отъ насъ много молодыхъ силъ — и въ послѣднемъ счетѣ мы опять-таки окажемся въ проигрышѣ!

Наши бесѣды затягивались порою за полночь. Въ результатѣ нашихъ бесѣдъ появилась статья Адриана Михайлова, послужившая какъ бы объясненіемъ къ нашей программѣ. Статья, помню, всѣмъ очень понравилась. Написанная хорошимъ литературнымъ языкомъ, она послѣдовательно развивала основныя начала нашей народнической программы.

Верховный критерій остался тотъ же: экономическое освобождение народа при посредствѣ самого народа, какъ необходимое условіе реализаціи политической свободы.

Не помню, была ли напечатана статья Михайлова: она должна была появиться или отдѣльнымъ изданіемъ (въ видѣ брошюры), или въ имѣвшемъ скоро появиться въ свѣтъ нашемъ органѣ.

Съ прибытіемъ Осинскаго, а потомъ и Плеханова, обсужденіе нашей программы пошло еще болѣе оживленно. Особенно горячіе споры вызывала наша тактика,—тутъ-то сказалась наша разноголоسیца. Валеріанъ явился очень горячимъ сторонникомъ той народно-революціонной организаціи, которую создалъ Стефановичъ съ своими товарищами въ Чигиринскомъ уѣздѣ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что это предложеніе, къ которому сочувственно отнеслось чуть ли ни большинство Совѣта, встрѣтило, тѣмъ не менѣе, сильный отпоръ со стороны Плеханова и пишущаго эти строки, что, въ концѣ концовъ, послѣ живого обмѣна мыслей, это предложеніе Валеріана было окончательно отвергнуто.

«Авторитарный принципъ», положенный Стефановичемъ въ основу «Чигиринскаго дѣла», разъ навсегда, такимъ образомъ, былъ изгнанъ изъ нашей программы. Кстати, замѣчу въ скобкахъ, самъ Стефановичъ отказался отъ этого принципа, онъ не разъ объ этомъ мнѣ лично заявлялъ. Въ 1879 году, вступивъ въ организацію «Чернаго Передѣла», онъ пытался возобновить свой опытъ, но совсѣмъ на иныхъ началахъ. Это—фактъ.

Но генеральное, такъ сказать, сраженіе далъ Валеріанъ своимъ товарищамъ при обсужденіи самаго кардинальнаго вопроса программы—политическаго вопроса. Еще на предыдущихъ собраніяхъ Валеріанъ попытался было подъ флагомъ конкретныхъ предложеній, внесенныхъ имъ отъ кievскихъ конституціоналистовъ, провести постановленія чисто политическаго характера, но, какъ мы уже знаемъ, провалился. Теперь имъ былъ смѣло и открыто поставленъ вопросъ о политической борьбѣ ребромъ,—принципіально. Въ связи съ принципіальной постановкой вопроса о политикѣ, Валеріанъ также поставилъ вопросъ объ усиленіи дезорганизаторской дѣятельности, какъ одного изъ пріемовъ борьбы, способствующихъ реализаціи политической свободы.—«Деревенщики» рѣзко протестовали противъ этого предложенія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозначены границы дезорганизаторской дѣятельности; предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Пренія по этому поводу были очень продолжительны и горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго-народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ.

Еще до совѣщанія Валеріанъ въ разговорѣ со мною замѣтилъ вскользь, что если его предложенія не пройдутъ, то онъ выйдетъ изъ общества, что для него въ этомъ особой потери не предвидится, что, наконецъ, предлагаемая имъ мѣра вполне своевремен-

ны и находятъ сочувствіе у южанъ, къ которымъ онъ и пристанетъ.

Возраженія мои въ существенномъ были такія, какія давала ему на собраніи «деревенщина», причеиъ въ заключеніе прибавиль, что потеря такого товарища, какъ онъ, будетъ, конечно, чувствительна для общества, но еще чувствительнѣе и опаснѣе тотъ прецедентъ, который онъ выходомъ своимъ создаетъ въ нашемъ обществѣ.

На Совѣтѣ Валеріанъ хотя и энергично отстаивалъ свои предложенія, но о выходѣ своемъ изъ общества не заикнулся даже». (Изъ неизданныхъ моихъ воспоминаній 1883-84 гг. О. А.).

Въ окончательномъ итогѣ пересмотра Совѣтомъ нашей программы получилось слѣдующее: догматическая часть программы осталась безъ измѣненія; въ тактической части были лишь болѣе точно формулированы и подчеркнуты тѣ положенія, которыя касались собственно агитаціи въ деревнѣ. «Деревенщина» указала на то, что въ этомъ отношеніи намъ незачѣмъ лукаво мудрствовать: самъ народъ, многолѣтнимъ своимъ историческимъ опытомъ, выработалъ ужъ цѣлую систему излюбленныхъ имъ формъ протестовъ—какъ пассивныхъ (подача прошеній, посылка ходоконъ, отказъ отъ исполненія незаконныхъ начальническихъ распоряженій, отказъ отъ платежа податей и проч.), такъ и активныхъ («красный пѣтухъ», убійство вредныхъ и опасныхъ эксплуататоровъ и насильниковъ, бунты и проч.). Намъ слѣдуетъ только воспользоваться этими, готовыми уже формами протеста, какъ популярнымъ орудіемъ, съ тѣмъ, чтобы, при благопріятныхъ условіяхъ, внести въ нихъ, въ эти протесты, критическую и обобщающую силу революціонной мысли и воли. И тогда организація народно-революціонной партіи, какъ боевой партіи, готовой вступить въ рѣшительную борьбу съ современнымъ государственно-сословнымъ строемъ, окажется вполне осуществимой.

Когда пересмотръ программы былъ законченъ, Совѣтъ рѣшилъ пустить ее въ обращеніе какъ въ широкую публику, такъ и въ среду учащейся молодежи и рабочихъ. Съ этой цѣлью были усилены уже ранѣе функционировавшія группы—интеллигентная и рабочая—притокомъ новыхъ землевольцевъ, временно находившихся тогда въ Петербургѣ. На преобразованный такимъ образомъ группы возложена была миссія энергично начать вербовку новыхъ членовъ въ общество, путемъ пропаганды и агитаціи. Обсужденіе и рѣшеніе другихъ вопросовъ подвинулось теперь быстро. Рѣшено было приступить къ изданію центрального органа подъ названіемъ «Земля и Воля»; намѣчены были редакторами слѣдующія лица: Кравчинскій, Клеменсъ, Адрианъ Михайловъ и Плехановъ. Такъ какъ Кравчинскій и Клеменсъ были за-границей, то рѣшено было списаться съ ними насчетъ этого. Типографская группа, какъ я уже упомянулъ, уже фактически была организована, и организована образцово, вполне конспиративно.

Съ какими трудностями было сопряжено устройство въ Россіи подпольной типографіи и какъ жгуче въ то время ощущалась потребность въ мѣстной подпольной печати, видно изъ слѣдующихъ

словъ автора «Подпольной Россіи» (стр. 127 и слѣд.), С. Кравчинскаго:—«Потребность въ мѣстной подпольной печати*), которая бы могла немедленно отвѣчать на всякія злобы дня, дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельной..... Но, казалось, какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ попытками подобнаго рода: всѣ онѣ оказывались крайне недолговѣчными..... Послѣ многочисленныхъ попытокъ, потерпѣвшихъ одна за другой жестокою неудачу, устройствомъ тайной типографіи всѣми было признано дѣломъ не только труднымъ, но и прямо невозможнымъ, праздною мечтой, ведущей лишь къ безцѣльной тратѣ денегъ и гибели лучшихъ силъ. Мысль о тайной типографіи была отброшена окончательно. Люди «серьезные» просто не хотѣли больше объ этомъ слушать. Нашелся, однако, мечтатель, фантазеръ, который ни за что не соглашался признать непреложность общепринятаго мнѣнія и съ жаромъ доказывалъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и онъ ее устроитъ, если его только снабдятъ необходимыми средствами.

Мечтателя этого звали Аарономъ Зунделевичемъ.....

Послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть недовѣріе товарищей и получить на свою затѣю около 4.000 рублей. Съ этими деньгами онъ отправился за-границу, закупилъ тамъ и доставилъ въ Петербургъ все необходимое и, наконецъ, научившись набирать самъ и преподавъ это искусство еще четверымъ изъ своихъ друзей, онъ устроилъ съ ними въ 1877 году въ Петербургѣ тайную типографію, первую, которая была достойна этого имени, такъ какъ она правильно работала и выпускала въ свѣтъ довольно порядочныя брошюры, а впослѣдствіи и газету. Планъ Зунделевича былъ такъ простъ, естествененъ и уменъ, что цѣлые четыре года, несмотря на упорнѣйшіе розыски, полиція не могла напасть на слѣдъ типографіи, которая была открыта, благодаря глупой случайности».

Да, много энергіи, труда и предприимчивости положилъ на это дѣло Зунделевичъ. Типографія—цѣликомъ дѣло его рукъ. Зунделевичъ былъ своего рода министромъ иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ на его обязанности лежало установленіе сношеній съ заграничнымъ міромъ въ разнообразныхъ формахъ: устройство пути для доставки изъ-за границы въ Россію подпольныхъ изданій, типографскихъ принадлежностей и проч., для переправы изъ-за границы и обратно революціонеровъ, для разнообразныхъ переговоровъ и сношеній съ эмигрантами и проч., и проч.

Въ средѣ пограничной стражи и контрабандистовъ онъ былъ свой человѣкъ. Породу своей дѣятельности онъ былъ вѣчно въ разѣздахъ.

На вопросъ одного изъ нашихъ товарищей, гдѣ живетъ Зунделевичъ? получился отвѣтъ: «Въ вагонѣ 3-го класса!» И дѣйствительно. Онъ всегда былъ въ работѣ,—энергичный, живой, неуловимый и глубоко-симпатичный «Мойша»! Въ тѣ короткіе моменты, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ, онъ неразлучно былъ съ своими товарищами.

*) Цитировано въ „Матеріалахъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“, X, въ статьѣ П. Л. Лаврова: „Народники-пропагандисты“ стр. 263.

Гуманный, сердечный, уравновѣшенный, онъ вносилъ теплоту и братство въ наши отношенія. Услужить товарищу чѣмъ-нибудь было для «Мойши» великою радостью. Да и кто можетъ купить и лучше, и дешевле. чѣмъ «Мойша?» До сихъ поръ я храню, какъ дорогую память о землевольцахъ, серебряные часы, купленные для меня «Мойшей», по просьбѣ Ольги и „Лешки“, еще въ 1878 году.

Зунделевичъ былъ единственнымъ, кажется, изъ землевольцевъ, который съ самаго начала признавалъ необходимость политической борьбы. Когда землевольская организація распалась, Зунделевичъ пристралъ, конечно, къ народовольцамъ, оставаясь, тѣмъ не менѣе, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ чернопередѣльцами и оказывая имъ посильную помощь своими практическими совѣтами.

Въ Петропавловской крѣпости мы сидѣли рядомъ, въ низу, въ рavelинѣ Трубецкого. Снова увидѣлись мы въ 1881 году въ тюрьмѣ, въ Томскѣ, гдѣ насъ, шедшихъ изъ Вышняго Волочка, соединили съ террористами, шедшими изъ Петербурга. Мы шли вмѣстѣ отъ Томска до полпути до Иркутска, гдѣ меня отдѣлили отъ партіи и отправили форсированнымъ маршемъ въ Якутскъ.

Здѣсь, въ пути, я могъ только вполнѣ оцѣнить золотое сердце Зунделевича!

Типографія наша работала весьма успѣшно. Вотъ списокъ изданій*), вышедшихъ изъ нашей типографіи въ теченіе 1878—79 гг. (приблизительно): «Приказъ исправникамъ»; «Русскіе отцы къ русскимъ матерямъ, къ русскому обществу» (прокламація); «Приказъ по войскамъ Одесскаго военнаго округа»; прокламація объ убійствѣ шпиона Никонова; прокламація о покушеніи на Котляревскаго; «Два засѣданія комитета министровъ»; «Прибавленіе къ приказу С.-Петербургскаго градоначальника»; «Записка Палена»; „Къ рабочимъ патроннаго завода отъ интеллигенціи“ (прокламація); „Къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ“ (прокламація); „Выигрыши послѣдней войны“ (Драгоманова), перепечатка заграничной брошюры его: „До чего довелись?“; „Къ студентамъ вышихъ учебныхъ заведеній“, „За живо погребенный“, „Убійство Мезенцева“ (Кравчинскаго); „Ко всѣмъ честнымъ людямъ“ (по поводу В. И. Засуличъ); „Къ русскому обществу“ (по тому же поводу. Г. В. Плеханова (?)); „Покушеніе на жизнь Трепова“ и брошюра „13 юля и 24 января“; „Отчеты о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительственнаго Сената по дѣлу революціонной пропаганды въ Имперіи“ (книжка), „Рѣчь Мышкина“ (брошюра); „Адресъ Палену отъ петербургской учащейся молодежи“ (Плеханова); „Адресъ Палену отъ московской учащейся молодежи“; „Воззваніе къ славному Войску Донскому“; „Земля и Воля“ №№ 1—5; „Листокъ Земли и Воли“ №№ 1—5. Помѣщеніе типографіи было извѣстно исключительно типографской группѣ: Ольгѣ Натансонъ, Обошешеву и Зунделевичу. Сношенія съ типографіей совершались только черезъ ко-

*) Списокъ этотъ позаимствованъ почти исключительно изъ извѣстнаго труда В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ“ (послѣднее изданіе заграничное).

го-либо одного изъ членовъ типографской или, впоследствии, редакторской группы. Режимъ типографіи былъ строжайшій. Но такъ какъ за это дѣло взялись идейные вполне люди, то эти тяжелыя лишенія переносились легко, какъ нужное и должное.

Только разъ мнѣ— къ слову сказать— пришлось услышать жалобу отъ одного изъ типографскихъ о невыносимости такого режима. Это былъ Бураковъ. Замѣчательно выдержанный и дисциплинированный работникъ, онъ, тѣмъ не менѣе, порою переживалъ тяжелыя минуты.

— Право же, Осипъ,—жаловался Бураковъ,—словно въ тюрьмѣ сидишь! Пожалуй, что придется отказаться отъ этой работы! Онъ, дѣйствительно, скоро вышелъ на „волю“ изъ типографіи, но тутъ же попалъ въ «неволю»—былъ весною 1879 года, послѣ 2-го апрѣля, схваченъ и сосланъ, если не ошибаюсь, куда-то на сѣверъ.

Послѣдній очередной вопросъ, который подлежалъ обсужденію, былъ вопросъ о нашихъ средствахъ. Лизогубъ заявилъ, что онъ отсюда прямо ѣдетъ въ свое имѣніе, гдѣ приведетъ все въ порядокъ, и надѣется, что впередъ поступления средствъ въ нашу каску будутъ совершаться болѣе аккуратно. Имѣніемъ управляетъ—де свой человекъ и на него вполне можно положиться*). Оболешевъ при этомъ замѣтилъ, что разъ наше издательство пойдетъ хорошо,—а на это вполне можно разсчитывать, особенно послѣ выхода нашего органа,—то типографія и органъ не только себя окупятъ, но и дадутъ порядочный доходъ. Вопросъ этотъ казался исчерпаннымъ, и, хотя наше положеніе пока оказалось не особенно блестящимъ, но мы чувствовали себя вообще довольно бодрыми и готовились уже разойтись. Но тутъ неожиданно случилось одно обстоятельство, которое переположило всѣхъ.

„Романтикъ“ Осинскій никакъ не могъ помириться съ перспективою такого черезчуръ ужъ скромнаго матеріальнаго существованія Общества. На этомъ-де далеко не уѣдешь, а событія, между тѣмъ, предвѣщаютъ интенсивную дѣятельность какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Нужны будутъ, можетъ быть, большія средства. Гдѣ ихъ взять? И Валеріанъ, ничто же сумняшеся, предлагаетъ внести въ функцію дезорганизаторской группы еще новую функцію—экспроприацію государственныхъ, общественныхъ, а въ крайнемъ случаѣ, и частныхъ имуществъ. На этотъ разъ Валеріанъ совершенно промахнулся: предложеніе его было единогласно отвергнуто.

Пересмотръ устава, насколько припоминаю, не потребовалъ отъ насъ много времени: мы всѣ согласились, что нѣтъ пока крайней необходимости внести въ него какія-либо существенныя измѣненія,—и уставъ остался неизмѣненнымъ.

Но уже въ началѣ лѣта 1878 года, когда Михайловъ Александръ вернулся въ Петербургъ и засѣлъ тамъ, онъ снова поднялъ вопросъ о пересмотрѣ устава и поставилъ вопросъ ребромъ. Меня тогда не было въ Петербургѣ, а потому я разскажу, какъ

*) Управляющимъ былъ Дриго, оказавшійся впоследствии предателемъ. О. А.

произошло это дѣло со словъ Плеханова, участвовавшего въ совѣщаніи о пересмотрѣ устава.

Вотъ что Плехановъ рассказываетъ въ своемъ «Воспоминаніи объ А. Д. Михайловѣ» (стр. 115—116, «сочиненія» Плеханова). — «Михайловъ требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра.

Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты и ему поручено было написать проектъ новаго устава.

При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ «основнаго кружка» обязывался исполнять всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполне соответствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ даже не могъ понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ. — «Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣлались членами организаціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласій съ большинствомъ ея членовъ», — повторялъ онъ съ досадой. „Вы можете разойтись съ ними во взглядѣ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предпріятія, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня организація. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и отъ этого, хотя и зналъ бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиниться организаціи!»

Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя наклонности различныхъ ея членовъ».

Такимъ образомъ, Михайлову удалось, наконецъ-то, добиться хоть формально признанія его верховнаго принципа всякой организаціи—централизаціи и дисциплины воли.

Не могу здѣсь по пути не отмѣтить одного весьма характернаго для нашего «Дворника» (Михайлова) факта. Вначалѣ весны 1879 года нашей редакторской группѣ былъ нанесенъ значительный уронъ: арестованъ Д. А. Клеменсъ. Въ редакціи остались лишь Тихомировъ и Морозовъ. Плехановъ, хотя тогда уже близко стоялъ къ редакціи, но, такъ сказать, отвѣтственнымъ (предъ партіей) редакторомъ онъ не считался еще. Какъ-то въ одинъ прекрасный день является къ Плеханову Михайловъ съ слѣдующимъ категорическимъ предложеніемъ: «Слушай, Жоржъ ты можешь писать, а потому войди въ редакцію! Это необходимо теперь!» Плехановъ возразилъ ему, что онъ не чувствуетъ себя достаточно подготовленнымъ для такой отвѣтственной работы и что онъ имѣетъ въ виду еще поработать надъ собою. Михайловъ рѣзко возразилъ: «Если ты отказываешься, то я начну писать въ «Землѣ и Волѣ», но знай, что я хуже тебя буду писать!» Противъ такого аргумента Плехановъ не устоялъ и вступилъ въ редакцію. Плехановъ и теперь утверждаетъ, что если бы не «Петръ Ивановичъ» (т.-е. Александръ Михайловъ), то онъ бы, быть можетъ, и не сдѣлался бы литераторомъ.

Согласно постановленію Большого Совѣта, землевольцы приступили къ энергичной пропагандѣ своей программы. Въ медико-хир. академіи работали М. Р. Поповъ и Л. Булановъ со своимъ кружкомъ молодыхъ народниковъ изъ учащейся молодежи, студентами Козловскимъ, Шмеманомъ и друг.

Молодые оказались дѣльными, хорошими головами, готовыми къ работѣ въ своей средѣ.

Въ помощь къ названному кружку присталъ временно и пишущій эти строки,—больше, впрочемъ, въ качествѣ агитатора, чѣмъ пропагандиста. Въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣятельную пропаганду и агитацію велъ Преображенскій съ своимъ кружкомъ «молодыхъ». Пропаганда велась при помощи уже выработанныхъ предшествующимъ опытомъ молодежи способовъ—при помощи кружковъ и сходокъ. И тѣхъ, и другихъ зимою 1877—78 г. было много. Время для этого было тогда весьма благоприятное: всѣ задвигались, охваченные широкими общественными стремленіями и задачами.

Я здѣсь расскажу лишь о томъ, что я самъ видѣлъ и слышалъ въ теченіе тѣхъ 2½ мѣсяцевъ зимы 1877—78 г.г., которые, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, пробылъ въ Петербургѣ.

На тогдашнихъ сходкахъ читались рефераты по преимуществу на народнической темѣ—объ общинѣ, расколѣ, сектанствѣ и проч. Довлѣтъ дневи злоба его. Покойный Каблицъ-Юзовъ (онъ же «Око». Его такъ прозвали потому, что одинъ глазъ у него былъ искусственный) выступилъ ужъ тогда съ своей попыткой философскаго или соціологическаго обоснованія народничества. Онъ читалъ, помнится, рефератъ: «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса». Сходка была многочисленная: была молодежь, были и старики. О самомъ рефератѣ скажу лишь два слова: тошнотворное было это произведеніе ума, какъ и все позднѣйшее,—въ томъ числѣ и «Основы народничества»,—вышедшее изъ-подъ пера этого соціолога-народника изъ «Недѣли». Однако, справедливость требуетъ сказать, что на молодые умы, страстно искавшіе тогда «основъ» и «обобщающихъ концепцій», эта псевдо-научная, псевдо-философская стряпня все-таки производила впечатлѣніе. Да и не только на молодыхъ: я и отъ нѣкоторыхъ стариковъ,—напр., доктора Шапиро, развитого и умнаго человѣка,—слышалъ сочувственные отзывы о литературныхъ опытахъ Каблицы-Юзова. Но не о рефератѣ я хочу говорить: интересъ былъ возбужденъ не столько рефератомъ, какъ таковымъ, сколько тѣми преніями, горячими и страстными, которыя велись по поводу этого реферата. Землевольцы и другіе народники имѣли на сходкѣ и своихъ представителей. Со стороны землевольцевъ были тогда, помнится, слѣдующія лица: Л. Булановъ, Преображенскій, М. Поповъ и пишущій эти строки. Со стороны кружка В. Н. Фигнеръ былъ, кажется, И—чинъ-П—ревъ. Отъ южныхъ народниковъ-революціонеровъ присутствовалъ Волошенко («Петръ»).

На сцену выступили капитальной важности проблемы соціологіи объ относительной роли чувства и ума въ соціологическомъ процессѣ.

Незамѣтно перешли къ частному вопросу народничества—какому изъ двухъ названныхъ «психологическихъ факторовъ прогресса» суждено сыграть рѣшающую роль въ революціонно-народномъ движеніи нашей крестьянской массы: эмоціямъ или идеямъ массы?

И далѣе совершенно незамѣтно, какъ это и бываетъ въ подобныхъ спорахъ, выплылъ вопросъ—въ какой формѣ можетъ или должна вылиться ближайшая народная революція: проявится ли она въ формѣ анархизма или государственности? Л. Булановъ, помнится, на это очень опредѣленно отвѣтилъ:—«Мы не предрѣшаемъ никакихъ вопросовъ, мы это предоставляемъ самому народу: если народъ подыметъ, скажемъ, во имя князька какого-нибудь или даже царя—мы за нимъ, за народомъ пойдемъ! Мы не можемъ итти противъ народа!» У Каблица засверкалъ единственный его глазъ и онъ, обращаясь къ аудиторіи, воскликнулъ: «Да вѣдь они—якобинцы!» Ему вторили его сторонники: «Они—якобинцы, якобинцы!» Поднялся неслыханный шумъ, въ которомъ ничего разобрать нельзя было. Когда шумъ утихъ и страсти улеглись, «слова» попросили землевольцы.

Землевольцы горячо поддерживали своего товарища, Буланова.

Въ его взглядахъ они-де ничего еретическаго не видятъ: народный князь или царь—не современный глава государства: народный царь—выборный, подобно казацкому атаману, такой царь—полное воплощеніе народной воли, такого царя нечего опасаться намъ. Тѣ, которые боятся народного царя, боятся и не довѣряютъ самому народу, тѣ—не народники, а доктринеры и метафизики.

На этой сходкѣ съ особой силой логики и убѣжденія выступилъ Волошенко. Пальма первенства въ полемикѣ принадлежала ему. Волошенко—къ слову сказать—одна изъ самыхъ умныхъ и свѣтлыхъ головъ среди революціонеровъ. Недаромъ одинъ изъ профессоровъ исторіи—не то Леонтовичъ, не то Антоновичъ—заявилъ на судѣ, что въ лицѣ обвиняемаго Волошенко русская наука теряетъ выдающагося ученаго. Волошенко оказывалъ тогда намъ, землевольцамъ, незабвенную услугу: онъ рѣдко пропускалъ серьезныя сходки, всегда выступалъ въ защиту народническихъ идей и защищалъ онъ ихъ не только умно, но и талантливо.

Какъ-то разъ насъ собралось нѣсколько человекъ къ квартирѣ М. Н. Ошаниной.—на квартирѣ «централистокъ», какъ мы тогда называли кружокъ Ошаниной*). Мы, землевольцы, говоря мимоходомъ, частенько-таки бывали у этой умной, сильной Ошаниной, несмотря на принципиальныя наши разногласія. Бывалъ на этой квартирѣ (на Набережной Невки, кажется) и Волошенко.

Вотъ на этой-то квартирѣ и обратился къ намъ разъ Волошенко, встревоженный, съ упрекомъ, отчего мы не принимаемъ мѣръ противъ помраченія умовъ молодежи, практикуемаго здѣсь нѣкоторыми противниками революціоннаго движенія

*) „Централистками“ мы ихъ прозвали за приверженность ихъ къ якобинистически-централистическимъ воззрѣніямъ.

вообще и народническаго—въ частности. Онъ при этомъ указалъ на лекціи учителя Я. И. Ковальскаго, «развращающаго,—по выраженію Волошенко,—молодежь своей философіей». Волошенко въ заключеніе посовѣтовалъ землевольцамъ отрядить кого-нибудь на эти лекціи, но, не дожидаясь нашихъ дѣйствій, сталъ самъ посѣщать устроенныя Ковальскимъ сходки, выступая на нихъ сильнымъ и оригинальнымъ оппонентомъ. Крупныя умственныя и полемическія способности Волошенко обнаружили еще,—разсказывали мнѣ,—въ Одессѣ, гдѣ онъ выступалъ съ поразительнымъ успѣхомъ въ диспутахъ его съ штундистами. Во все время пребыванія Волошенко въ Петербургѣ, онъ дѣятельно помогалъ землевольцамъ распространять народническую программу среди молодежи. И результаты этой усиленной и совмѣстной работы я позволю себѣ резюмировать слѣдующими, занесенными въ мою записную книжку еще въ 1883-84 году, словами:—«Пропаганда революціонно-народническихъ идей продолжалась весьма ревностно всѣми народниками-революціонерами и, несмотря на то, что это дѣло велось не всегда особенно умѣло и толково, народничеству въ концѣ-концовъ удалось завоевать себѣ право гражданства и стать достояніемъ не только революціонной молодежи, но и мирной интеллигенціи».

И въ этомъ ничего удивительнаго не было. Землевольцы и другіе народники-революціонеры представляли собою единственную, вышедшую изъ общества, группу, активно выступавшую на борьбу съ современнымъ крѣпостнически-приказнымъ государственнымъ строемъ во имя народныхъ интересовъ—интересовъ «Земли и Воли».

Много ли ихъ было или мало, хорошо ли или худо они дѣлали свое дѣло,—но они неустанно двигали его впередъ: они отдавали народу свою мысль и чувство, отдавали свою свободу и жизнь..... И молодежь, чуткая къ правдѣ, инстинктивно тянулась, какъ подсолнечникъ къ свѣту, къ тѣмъ, которые сами эту правду искали и стремились воплотить ее въ жизнь. И она, т. е. учащаяся молодежь, пристала къ дѣйствующимъ, борющимся и стремящимся организовать народъ для дальнѣйшей борьбы. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—хотя народничество, какъ социальное-политическая доктрина, во многихъ отношеніяхъ было еще несовершенно и незакончено, оно, тѣмъ не менѣе, вполне соответствовало тому историческому моменту, который тогда переживала Россія,—Россія деревенская, мужицкая. Такъ мы, семидесятники, тогда думали, да и не мы одни. Старшее поколѣніе—экономисты, статистики, а особенно наши любимцы-беллетристы, Успенскій и Златовратскій, развернули предъ нами яркую и разительную картину современной намъ деревенской дѣйствительности. Они воочію показали намъ, что на нашу деревню надвигается страшная грозная сила, готовая разнести въ прахъ старья формы ея. Это насъ глубоко тревожило и огорчало. Это—правда. Но мы, вмѣстѣ съ нашими учителями, наблюдая этотъ двойственный процессъ разрушенія и созиданія деревни, видѣли, чувствовали, такъ сказать, осязали лишь первый,—процессъ разрушенія.

Его мы выдвигали на первый планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы стали искать причины, вызвавшей этотъ разрушительный про-

цессъ, а равно и средствъ, способовъ, при помощи которыхъ мы бы могли либо нейтрализовать эту разрушительную силу, либо совсѣмъ изъять ее изъ круга дѣйствія ея на деревню. Мы нашли эту причину единственно въ современномъ намъ крѣпостнически-приказномъ государственномъ строѣ. Это оно, государство, своимъ многовѣковымъ гнетомъ, разрушало и разрушаетъ, какъ внѣшняя враждебная сила, наши деревенскіе «устои». А потому и ближайшей нашей цѣлью было—бороться не на животъ, а на смерть съ этимъ государствомъ. Мы разсуждали такъ: если тѣмъ или другимъ способомъ мы уничтожимъ, устранимъ это государство, то тогда спадутъ тяжелыя цѣпи, тормазившія до сихъ поръ нормальное и поступательное развитіе «исконныхъ началъ» нашей деревни. «Капитализму» вообще, а деревенскому—въ частности, мы тогда ни малѣйшаго значенія,—ни положительнаго, ни отрицательнаго,—не придавали. Мы считали его тепличнымъ растеніемъ, возвращеннымъ лишь заботливымъ уходомъ экономической политики нашего правительства. Самъ по себѣ, думали мы, капитализмъ не имѣетъ у насъ никакихъ шансовъ на жизнь: освобожденныя творческія силы нашей деревни, помимо другихъ вліяній,—международно-экономическихъ и проч.,—сумѣютъ во-время подсѣчь въ самомъ корнѣ дальнѣйшій ростъ его.

Вообще, мы тогда третировали нашъ нарождающійся капитализмъ, какъ *quantité negligible*.

Теперь, когда насъ отдѣляетъ отъ того времени промежутокъ въ 25 лѣтъ, такого рода понятія намъ кажутся, по меньшей мѣрѣ, странными. Но тогда мы не могли иначе думать.

Мы всѣ,—и старые, и молодые народолюбцы,—глубоко вѣрили въ то, что насъ, русскихъ, минуетъ эта горькая чаша—капиталистическое производство. Мы вѣрили, что пойдемъ своимъ путемъ, что Россія «не напала еще на слѣдъ естественнаго закона своего развитія», а потому, покуда это еще не случилось, она, Россія, можетъ миновать капиталистическую фазу экономического развитія. Разъ такая предпосылка была допущена, то все остальное—наша теорія и практика, наша, говоря современной терминологіей, идеологія («народничество») — была лишь логическимъ послѣдствіемъ этой предпосылки. Оно такъ и было. И собственный нашъ историческій опытъ, и авторитетъ западно-европейскаго научнаго социализма только укрѣпили наше убѣжденіе и вѣру въ истинности «народничества». Вотъ почему, повторяю, мы тогда и думать, и дѣйствовать иначе не могли. Вотъ почему наше народничество,—каково оно было,—вполнѣ удовлетворяло какъ насъ, такъ и приставшую къ намъ молодую интеллигенцію. Наша программа, булучи послѣдствіи разработанной и обоснованной мирными дѣятелями, явилась уже, какъ система идей, какъ социологическое построеніе. Такою именно она явилась подъ названіемъ легальнаго народничества въ 80-хъ годахъ. Представителями его были Каблицъ-Юзовъ, В. В. и Николай—онъ.

Я указалъ на то, что мы зимою 1877-78 гг. дѣйствовали въ качествѣ пропагандистовъ среди молодежи. Но мы не только про-

пагандировали, мы занимались также и агитаціей. Я позволю себѣ рассказать эту сторону нашей дѣятельности, какъ она записана была мною еще въ 1883-84 г. въ неизданныхъ моихъ воспоминаніяхъ: «Землевольцамъ хорошо было извѣстно возбужденное настроеніе молодежи, и они рѣшили еще на Большомъ Совѣтѣ воспользоваться этимъ для агитаціонныхъ цѣлей. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа Палена*), указывалось именно на вопіющія злоупотребленія и насилія, противъ которыхъ готовы были протестовать всѣ хорошіе люди. Указывалось на непрерывно производимые обыски, аресты, высылки, на ничѣмъ немотивированное продолжительное предварительное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему oubliet'окъ, которую начало практиковать правительство, и на прочія возмутительныя репрессіи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ отпечатанъ въ «вольной русской типографіи» и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ Совѣтѣ «паленская демонстрація», въ м.-х. академіи случилось маленькое событіе, вызвавшее въ ея стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академическаго начальства. Манифестація эта была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра II съ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встрѣчу, на которой должны были присутствовать представители города, земства, ученыхъ корпорацій и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ случаѣ весьма неблагоприятныя приемы. Оно хорошо знало настроеніе своего студенчества, а потому оно рѣшило поступать по собственному благоусмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколькихъ студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, причемъ оно прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованія. Находившійся въ то время въ библіотекѣ академіи земледелецъ (пишущій эти строки) рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ головъ созвана была на скорую руку сходка въ библіотекѣ, и было рѣшено немедленно вызвать начальника академіи Быкова для объясненій. Сказано—сдѣлано. Нѣсколько человекъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библіотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычайной (это было поздно вечеромъ) сходкой, но особенно обнаруженіемъ его продажки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обливая его неблагоприятный поступокъ. Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные студенты лишены были ихъ полномочій, причемъ заявили, что никакихъ депутатовъ они при этомъ случаѣ посылать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится, такъ дѣйствительно и было: «на торжественной встрѣчѣ» депутатовъ отъ академическаго студенчества не было.

Одновременно съ этимъ случилось другое событіе, окончательно возбуждавшее молодежь. Въ клиникѣ умеръ Жилинскій, три

*) Адресъ написанъ Г. В. Плехановымъ.

года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, но полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинскаго. Раздраженная толпа студентовъ отправилась въ академическую бібліотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были листки ужъ отпечатаннаго адреса и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Палену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человекъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями (Петербурга) и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ, въ назначенный для демонстраціи день въ бібліотекѣ м.-х. академіи собралось до 80 человекъ.

Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло это навѣрно бы выгорѣло, если бы тутъ не вмѣшались лавристы, которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя народниками, устраиваютъ протесты политическаго характера. Землевольцы оправдывались тѣмъ, что это протестъ не столько политической, сколько гуманитарной, къ которому должна примкнуть всякая сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ, землевольцы спохватились и, воспользовавшись небольшою передышкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосованіе:

1) Слѣдуетъ ли вообще протестовать?

2) Если слѣдуетъ,—то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ.

Къ сожалѣнію, наступилъ вечеръ и потому рѣшили устроить демонстрацію на слѣдующій день. На другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякій смыслъ. Впрочемъ, землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи. Отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное число лицъ изъ молодежи и, такимъ образомъ, надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Броженіе въ учащейся молодежи петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній и готовившаяся «паленская демонстрація» быстро дошли до Москвы. И студенты московскаго университета тоже заволновались; въ Петербургъ прибыли делегаты отъ московскаго студенчества,—въ томъ числѣ, если не ошибаюсь, М—овъ, въ настоящее время извѣстный общественный дѣятель и педагогъ,—для окончательныхъ переговоровъ съ петербургскимъ студенчествомъ, съ цѣлью установленія единообразія въ дѣйствіяхъ.

Делегаты по социальнымъ своимъ убѣжденіямъ были всѣ—народники. Землевольцы снабдили ихъ прокламаціей «Адресъ Палену отъ московской учащейся молодежи»,—насколько могу припомнить,—вполнѣ тождественный съ петербургскимъ адресомъ молодежи къ Палену.

Январское волненіе петербургскихъ студентовъ послужило лишь прологомъ къ цѣлому ряду волненій въ студенчествѣ, возни-

кавшихъ въ теченіе 1878 года то въ одномъ, то въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи и обобщившихся, наконецъ, осенью и зимою этого года во всероссійское студенческое волненіе: даже петербургскіе путейцы, всегда корректные и лойяльные, рѣшились примкнуть къ общему движенію.

Движеніе началось на этотъ разъ съ провинціи—съ харьковскаго ветеринарнаго института,—быстро распространилось на столічныя высшія учебныя заведенія, особеннъ петербургскія.

Въ м.-х. академіи волненія выразились демонстративною подачею «скопомъ» петиціи наслѣднику. Студенты «просили» права сходокъ, права устройства кассъ и библиотекъ; просили въ заключеніе заступничества наслѣдника за харьковскихъ товарищей.

Однимъ словомъ, петиція эта представляла собою образецъ скромнѣйшаго изъ скромныхъ прошеній.

Безпощадныя репрессіи: массовыя аресты и ссылки студентовъ въ сѣверныя губерніи и Восточную Сибирь, жестокое избиеніе—таковъ былъ прямой отвѣтъ правительства. Избиеніе молодежи*) было совершено съ такою наглостью и жестокостью, что вызвало протестъ даже со стороны совѣтовъ харьковскаго и петербургскаго университетовъ. Послѣдній подалъ тщательно мотивированную записку министру народнаго просвѣщенія. Въ числѣ причинъ, вызывающихъ волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выставляется общее неудовлетворительное состояніе Россіи и преслѣдованія студентовъ позорной памяти III отдѣленіемъ. Мѣрами къ прекращенію волненій университетъ считаетъ возстановленіе своей автономіи и права защиты студенческихъ интересовъ въ столкновеніяхъ съ полиціей, возстановленіе студенческихъ учреждений, уничтоженныхъ послѣ 1863 года.

Землеволюцы горячо откликнулись на студенческія движенія и всячески нравственно поддерживали молодежь въ неравной борьбѣ ея съ совершенно разнуздавшимся тогда правительствомъ. Общество «Земля и Воля» выпустило тогда прокламацію: «Къ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній».

Въ центральномъ своемъ органѣ «Земля и Воля» редакція удѣляетъ много мѣста студенческимъ волненіямъ: помѣщаетъ подробныя о нихъ корреспонденціи, ведетъ мартирологъ студенчества, обнародываетъ многіе интересные официальные документы, касающіеся судебъ студенчества,—однимъ словомъ, держитъ и общество, и молодежь въ курсѣ студенческихъ дѣлъ. Органъ зоветъ студенчество на борьбу съ правительствомъ,—борьбу неустанную, упорную и объединенную за свои права.

„Не правы ли мы были,—говоритъ «Земля и Воля» въ № 3,—когда въ воззваніи «Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ» (воззваніе принадлежитъ перу Клеменса) предрекали, что скоро будутъ душить и рѣзать студентовъ на улицахъ? Не правы ли мы

*) Еще раньше, въ апрѣлѣ, московская полиція натравила на студентовъ охотничьею, которые учинили надъ ними жестокою кулачную расправу.

Это—не прямое воздѣйствіе правительства на молодежь.

были, когда сравнивали студентовъ съ лишенными всѣхъ правъ и состоянія каторжниками? Спросимъ мы теперь, какой отвѣтъ возможенъ со стороны молодежи на эту травлю пьяными казаками и жандармами?

Имѣеть-ли она право своимъ судомъ вѣшать на осину такихъ бѣшенныхъ собакъ, какъ Зуровы и Мартенсы*) или ей остается слѣдовать совѣту харьковскихъ профессоровъ и «заняться наукой» въ ожиданіи новаго избіенія? Кстати, позволяемъ себѣ усомниться въ искренности этого «искренняго слова» харьковскихъ профессоровъ къ студентамъ, не говоря уже о его безтактности. Что бы сказалъ любой изъ нихъ, если бы ему дали оплеуху и, въ видъ утѣшенія, посовѣтовали бы углубиться въ изученіе своей специальности?

Нашъ совѣтъ студентамъ, какъ и всегда,—продолжайте разъ начатое дѣло, не останавливайтесь на полдорогѣ, не создавайте въ своей молодости подлаго прецедента отреченія отъ своей цѣли при первой возможности.

Справедливости, правды и суда отъ правительства не ждите. Оно наградитъ генералами отъ-кавалеріи своихъ баши-бузуковъ, а васъ угонитъ въ Восточную Сибирь.

Если вы бросите теперь ваше дѣло—всѣ жертвы рискуютъ теперь пропасть даромъ, а между тѣмъ при настойчивости можно добиться кой-какихъ результатовъ».

Такъ говорилъ нашъ органъ съ учащейся молодежью.

Намъ хочется здѣсь попутно подчеркнуть нѣкоторые штрихи въ этомъ обращеніи хроникера «Земли и Воли» къ студентамъ, да не только въ этомъ обращеніи, а во всей хроникѣ: кое-гдѣ прорываются угрожающія нотки, слышенъ прямой призывъ къ борьбѣ съ правительствомъ: «имѣеть ли она теперь право своимъ судомъ вѣшать на осину такихъ бѣшенныхъ собакъ, какъ Зуровы и Мартенсы?...» Или (въ заключеніи сообщенія объ арестѣ Дубровина и Бобохова, оказавшихъ вооруженное сопротивление): «и такъ уже многія жертвы ждутъ своего отмщенія, много злодѣевъ избѣжало суда. Дальше такъ продолжаться не можетъ!».

Одновременно съ пропагандою и агитаціей среди интеллигенціи началась энергичная дѣятельность и среди петербургскихъ рабочихъ. Во главѣ стоялъ Плехановъ, который и раньше имѣлъ порядочныя связи среди рабочихъ. Онъ привлекъ къ себѣ нѣсколько свѣжихъ силъ изъ молодежи и возстановилъ, такимъ образомъ, полннѣ «рабочую группу».

Задачи и цѣли, которыя землевольцы преслѣдовали среди рабочихъ, были такія же, какъ и среди интеллигенціи, т. е. пропаганда народническихъ идей и агитація на почвѣ непосредственныхъ интересовъ городской рабочей массы,

Какъ велась у насъ пропаганда среди рабочихъ?

Мы расскажемъ это лучше всего словами самого Плеханова. «Въ сношеніяхъ съ рабочими*) землевольцы всегда держа-

*) Курсивъ мой О. А.

„) „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Г. В. Плехановъ. Изданіе второе, исправл. и дополненное 1902 г. стр. 17—18.

лись слѣдующихъ приѣмовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного, — самое большее: 4—5 чел.), обязаны были составить кружки изъ молодыхъ «интеллигентовъ». Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы.

Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими.

Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 73—74 г., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача „землеволецевъ“ и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. «Старые», по большей части уже испытанные, революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которыми и сносилась главнымъ образомъ «интеллигенція».

На этихъ людей мы вполне могли положиться: нелѣпо было бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, землеволецы и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ проживалъ онъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ и одною и тою же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными специальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на „конспиративной“ квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія.

На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п.

Каждый мѣстный кружокъ долженъ былъ собственными силами привлекать къ себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центрального рабочаго ядра, каждое воскресенье сходявшимся на общее собраніе.

Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они были извѣстны подъ вымышленными именами, то если бы туда и забрался какой-нибудь шпіонъ, онъ могъ бы донести «пославшимъ его» только о томъ, что какой-то Федорычъ, или Антонъ, или «Дѣдушка» въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясалъ основы, а гдѣ искать этого Федорыча, или Антона, или „Дѣдушку“, оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Прослѣдить же на улицѣ

кого-либо изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извозчика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извозчика не было, и гдѣ, такимъ образомъ, слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпионъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него, и проч., и проч.

При подобныхъ предосторожностяхъ мы благополучно могли заниматься своими дѣлами даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организациямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустиаки десятками попадались въ руки бдительныхъ аргусовъ».

Какъ удачно шла наша пропаганда среди рабочихъ?

Плехановъ, тонкій и умный наблюдатель, не мало поработавшій среди рабочихъ, склоненъ нѣсколько умалять наши успѣхи даже сравнительно съ пропагандою «лавристовъ». Правда, онъ высказывается на этотъ счетъ весьма осторожно:—«Ихъ пропаганда, —говоритъ Плехановъ о лавристахъ, —вѣроятно (курсивъ мой. О. А.), была разумнѣе нашей». И далѣе:—«Если въ программѣ образовавшагося зимою 78—79 года Сѣверно-русскаго Рабочаго союза сильно слышалась социаль-демократическая нотка, то это кажется (курсивъ мой. О. А.) въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ».

Слишкомъ много чести, думается намъ, для лавристовъ!

Землевольты, какъ народники, сдѣлали въ средѣ рабочихъ все, что могли. Они, конечно, не могли заняться организаціей рабочихъ въ социаль-демократическую партію: народническая программа отводила дѣятельности ея сторонниковъ въ рабочей массѣ второстепенное мѣсто. Центръ тяжести революціонной дѣятельности лежалъ въ деревнѣ, въ крестьянской массѣ, туда и направлялись прямо и косвенно (черезъ, напр., городскихъ рабочихъ) наличныя силы землевольцевъ.

Но, повторяю, въ революціонно-народническомъ смыслѣ, землевольты за время своей дѣятельности въ городѣ успѣли не мало въ средѣ рабочихъ.

Самъ Плехановъ указываетъ на это во многихъ мѣстахъ своей брошюры «Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи».

Развѣ этого мало, что «слушая насъ,—говоритъ въ названной брошюрѣ Плехановъ,—рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому мужику» и желать ему всего лучшаго» (Курсивъ нашъ О. А.).

Развѣ способствовать выясненію нашей тогдашней русской дѣйствительности, какъ мы тогда, какъ народники, понимали ее,—небольшая заслуга? Развѣ рабочий-бунтарь Митрофановъ, «постигшій спорные программные вопросы до тонкостей», былъ у насъ единственный въ своемъ родѣ? А наши саратовскіе рабочіе, о которыхъ самъ Плехановъ отзывается, что «это были испытанные люди, искренно преданные народническимъ идеаламъ и глубоко проникнутые народническими взглядами» (Курсивъ нашъ О. А.)?

Наконецъ, въ своемъ предисловіи къ 2-му изданію «Русскаго рабочаго въ революціонномъ движеніи» Плехановъ прямо заявляетъ:

«А къ концу семидесятыхъ годовъ у народническаго общества «Земля и Воля» былъ уже довольно значительный опытъ по части пропаганды, агитаціи и организаціи въ средѣ рабочихъ». „Опытъ“ предполагаетъ уже работу, а «значительный опытъ» — успѣшную и производительную работу. Не спорю, что мы не совершили всего того, что слѣдовало и что желательно было сдѣлать въ городской рабочей массѣ въ революціонно-народническомъ смыслѣ. Но не забудемъ, что, независимо отъ того, что мы работу въ городѣ въ первое время считали несущественной, — мы взяли за энергичную работу въ городѣ ужъ тогда, когда она, эта работа, была обставлена огромными препятствіями. Правительственныя репрессаліи достигли тогда крайней степени: повальные обыски и ссылки стали тогда обычнымъ явленіемъ.

Съ весны 1878 года по осень того же года было арестовано и выслано до 600 человекъ молодежи!

Провалы молодежи опустошали посредственно и непосредственно и наши ряды, ряды „рабочихъ группъ“. Наша «центральная» рабочая группа, во главѣ которой стоялъ Плехановъ и къ которой я примкнулъ весной 1879 года, погибла послѣ 2 апрѣля въ этомъ водоворотѣ погромовъ, не просуществовавъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Едва спаслись Якимова («Баско»), хозяйка квартиры, я и другіе.

Принимая все это во вниманіе, будетъ ближе къ истинѣ сказать, что пропаганда народнической землевольческой программы среди рабочихъ въ Петербургѣ шла, вопреки всѣмъ препятствіямъ, довольно успѣшно, что наборъ приверженцевъ среди рабочихъ шелъ безостановочно хотя и колеблющимся темпомъ.

Агитаціонная дѣятельность землевольцевъ среди рабочихъ Петербурга, начавшаяся зимою 1878 года и продолжавшаяся потомъ весной и осенью того же года, велась весьма энергично и продуктивно. Это — большая заслуга землевольцевъ вообще и Плеханова, какъ вдохновителя этой агитаціонной дѣятельности того времени — въ частности.

Прошло болѣе года послѣ казанской демонстраціи 6 декабря 1876 года, этой первой демонстраціи, на которой произошло первое же крупное сближеніе землевольцевъ съ петербургскимъ пролетаріатомъ. Этотъ первый опытъ агитаціи среди рабочихъ не прошелъ для насъ безслѣдно. Работая, мы продолжали учиться, думать и вдумываться въ то, что мы дѣлали. Казанская демонстрація насъ научила, что непозволительно приступать къ какому-нибудь дѣлу съ чисто абстрактными приѣмами мышленія, что агитація среди рабочихъ должна вестись, какъ и агитація среди деревенскаго крестьянства, — на почвѣ ихъ, т. е. рабочихъ, ближай-

шихъ,—и преимущественно экономическихъ, требованій. Это очень важный урокъ, и мы хорошо имъ воспользовались.

Въ серединѣ или концѣ января 1878 года случилось одно весьма печальное событіе на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ, подавшее намъ, землевольцамъ, поводъ снова взяться за агитацию среди петербургскаго рабочаго населенія. Дѣло вотъ въ чемъ.

«На Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ, — рассказываетъ Плехановъ въ своемъ «Русскомъ рабочемъ въ революціонномъ движеніи»,—произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ рабочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на мѣстѣ. На другой день умерли отъ ранъ еще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ товарищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводскаго начальства».

.....«Понятно, когда произошелъ взрывъ, всѣ рабочіе этого завода были озлоблены. Существовавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ написалъ воззваніе, въ которомъ происшедшій на заводѣ печальный случай ставился въ связи съ общимъ положеніемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ нашей типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, его съ сочувствіемъ читали даже такіе рабочіе, которыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи. Кружокъ этотъ снесся съ землевольцами и пригласилъ ихъ притти на похороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настоятельно просилъ землевольцевъ ничего не сообщать лавристамъ. «Богъ съ ними совсѣмъ,—говорили рабочіе,—лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить и доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться нельзя, очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе».

Въ день похоронъ, часовъ въ 9 утра, хорошо вооруженная группа землевольцевъ (въ числѣ ихъ были: Валеріанъ Осинскій, Плехановъ, М. Поповъ и южане: Попко, Волошенко и Чубаровъ) подошла къ зданію патроннаго завода, предъ которымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ землевольцамъ тотчасъ присоединились члены заводскаго рабочаго кружка, тоже вооружившіеся кое-чѣмъ «на всякій случай».

Покойный Халтуринъ, работавшій тогда на другомъ заводѣ, тоже пришелъ на похороны. Начали совѣщаться, что предпринять.

Землевольцы находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Полиція, все время сопровождавшая шествіе, въ большомъ количествѣ стала вокругъ могилъ. Священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполне спокойной. Но когда все было кончено, и наступило время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый полный рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

—Господа!—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Мы хоронили сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками, а попечительнымъ начальствомъ. Наша печаль.....

Его прервали. Раздались полицейскіе свистки, и околоточный надзиратель положилъ рабочему руку на плечо со словами: «я васъ арестую».

Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадешное впечатлѣніе своею будто буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей толпой.

Благодаря вмѣшательству землевольцевъ и ихъ товарищей (Поповъ мнѣ вечеромъ этого дня передавалъ, что особенной энергіей и спокойной рѣшимостью отличался, между прочимъ, нашъ Плехановъ, первый набросившійся на околоточнаго), дѣло не дошло до драки, а все окончилось благополучно: никто не былъ арестованъ».

....«Дружный отпоръ,—говорить Плехановъ въ вышеназванной брошюрѣ его,—данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекърасное впечатлѣніе какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на „бунтарскую“ интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандою рабочіе вполне способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствию и въ подходящую минуту не испугаются союза съ „бунтовщиками казанской демонстраціи“ (слова околоточнаго надзирателя), т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. И когда въ мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ этой массой».

И Плехановъ не ошибся. И въ мартовской, а впоследствии и въ ноябрьской стачкѣ на прядильной фабрикѣ Кенига землевольцы оказывались во главѣ стачечнаго движенія: они руководили забастовщиками, поддерживали ихъ и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ.—„Такъ какъ,—разсказываетъ далѣе Плехановъ въ своемъ „Рабочемъ въ русскомъ революціонномъ движеніи“,—серьезная связи на мѣстѣ были у однихъ только землевольцевъ, то нечего и говорить, что вліяніе ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ».

Рабочая масса по-прежнему видѣла въ нихъ „орловъ“ и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что землевольцы могли говорить съ ней совершенно откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, совѣмъ ничего не отвѣтилъ на просьбу стачечниковъ.

Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ, продолжали еще ждать и надѣяться, но зато другіе—и такихъ съ каждымъ днемъ становилось еще больше—рѣшили, что и наслѣдникъ „не хуже градоначальника тянетъ руку управляющаго“... Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть, какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ“.

Особенно крѣпко стала на ноги наша „рабочая группа“, когда къ ней примкнулъ Александръ Михайловъ, по возвращеніи его изъ деревни.

„Здѣсь, какъ и вездѣ,—разсказываетъ Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Михайловѣ,—онъ фигурировалъ главнымъ образомъ въ роли организатора. Не имѣя возможности лично посѣщать рабочіе кварталы, онъ старался, по крайней мѣрѣ, собирать свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ революціонныхъ рабочихъ группахъ, снабжалъ ихъ книгами, деньгами, паспортами, а главное—давалъ множество разнообразныхъ и всегда разумныхъ совѣтовъ. Кромѣ того, вращаясь среди петербургской революціонной молодежи, онъ сближался съ личностями, способными, по его мнѣнію, взяться за революціонную пропаганду между рабочими, вводилъ ихъ въ занимавшуюся этимъ дѣломъ группу, способствовалъ, такимъ образомъ, расширенію послѣдней. Въ особенности сблизился онъ съ „рабочей группой“ во время большой стачки въ январѣ или февралѣ 1879 года.

Рабочіе фабрики Шау и такъ называемой Новой Бумагопрядильни, на Обводномъ каналѣ, забастовали почти одновременно, сговорившись, черезъ посредство своихъ делегатовъ, „стоять дружно“ и начинать работу не иначе, какъ съ общаго согласія стачечниковъ обѣихъ фабрикъ. Болѣе 1500 человекъ осталось временно безъ всякаго заработка, а слѣдовательно, и безъ всякихъ средствъ къ существованію, если не считать кредита въ мелочныхъ лавочкахъ.

Кромѣ того, предвидѣлось вмѣшательство полиціи и административныя расправы съ „бунтовщиками“. Нужно было организовать немедленную матеріальную помощь всѣмъ стачечникамъ и обезпечить семейства арестованныхъ или высланныхъ въ особенности.

Работа закипѣла. Сборы производились повсюду, гдѣ была какая-нибудь надежда на успѣхъ: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своихъ огромныхъ связяхъ Михайловъ часто въ одинъ день собиралъ такую сумму, какой не собирали другіе сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на засѣданіе „рабочей группы“, Михайловъ предъявлялъ ей довольно значительную сумму денегъ и немедленно начиналъ самыя обстоятельные разспросы. Съ довольнымъ видомъ, пощипывая свою эспаньолку, выслушивалъ онъ рассказы людей, сошедшихся съ разныхъ концовъ Петербурга, занося въ свою записную книжку всевозможныя порученія относительно паспортовъ, прокламацій, даже оружія и костюмовъ. Выработавши планъ дѣйствій на слѣдующій день, собраніе расходилось....“

Таковой была агитаціонная дѣятельность землевольской „рабочей группы“ среди рабочаго населенія Петербурга въ послѣдніе полтора года существованія общества «Земля и Воля»—въ 1878 и 1879 гг.

Резюмируя результаты это дѣятельности, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: землевольцы за этотъ періодъ времени приобрѣли довольно прочный операціонный базисъ въ средѣ рабо-

чей массы. Кромъ того, они обогатились большимъ практическимъ опытомъ, давшимъ имъ возможность внести въ ту часть своей программы, которая трактуетъ о городскихъ рабочихъ, существенно-радикальное измѣненіе и дополненіе, а именно: агитація на экономической почвѣ—главнымъ образомъ во время стачекъ—признана ближайшей практической задачей революціонной дѣятельности среди рабочей массы. Заслуга въ практической постановкѣ этой задачи и теоретической ея формулировкѣ всецѣло принадлежитъ Плеханову. Въ передовой статьѣ, напечатанной въ № 4 газеты «Земля и Воля», Плехановъ подробно развиваетъ это положеніе, подводя итогъ нашему опыту по части пропаганды, агитаціи и организаціи въ средѣ городскихъ рабочихъ.

Нашъ импровизированный съѣздъ близился къ концу. Всѣ очередные вопросы разрѣшены. Многіе намѣчены для ближайшаго будущаго. Подводя итогъ нашей работѣ, мы могли, положа руку на сердце, сказать, что славно поработали. Число членовъ «основного кружка» за это время возросло привлеченіемъ къ нему нѣкоторыхъ членовъ бывшаго кружка «чайковцевъ» и другихъ кружковъ.

Въ это время какъ разъ были выпущены изъ тюрьмы,—кто на поруки, кто на другихъ условіяхъ,—многіе революціонеры, привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ по «Большому процессу». Въ числѣ ихъ были: С. Перовская, Л. Тихоміровъ, А. И. Корнилова, Морозовъ, Зубокъ, Всеволодъ Лопатинъ и многіе другіе.

За границей жили С. Кравчинскій и Д. Клеменсъ; съ ними завели сношенія и они заявили согласіе пристать къ обществу «Земля и Воля». Такимъ образомъ, къ концу 1878 года къ нашей организаціи окончательно пристали слѣдующіе революціонеры: С. Перовская, С. Кравчинскій, Дм. Клеменсъ, Н. Морозовъ, Л. Тихоміровъ, Попко, М. Фроленко, Ольга Любатовичъ и Тулисовъ.

Находившійся тогда въ Петербургѣ кружокъ В. Н. Фигнеръ сталъ къ намъ въ самыя тѣсныя отношенія. У насъ было нѣсколько собраний, помнится, на квартирѣ Квятковскаго, на которыхъ присутствовали Ольга Натансонъ, Обошешевъ, М. Р. Поповъ и я,—последніе двое, какъ представители «деревенщины». Мы дѣлились своими деревенскими впечатлѣніями, обмѣнивались своими взглядами на дѣятельность въ деревнѣ, строили планы будущихъ поселеній въ народѣ, куда такъ тянуло Вѣру Николаевну и другихъ. И наши, вначалѣ совершенно дѣловыя, совѣщанія незамѣтно для насъ самихъ перешли въ сердечныя, прямыя товарищескія бесѣды.

Какъ мы другъ друга стали понимать съ полслова, съ намека! Вѣра Николаевна, помнится, даже воскликнула, смѣясь: «удивительно! даже однимъ языкомъ говоримъ, точно раньше сговорились!» Вѣра Николаевна Фигнеръ, собственно, тогда же пристала къ намъ, но выговорила себѣ полную самостоятельность при организаціи ея мѣстной группы.

Такъ какъ въ Саратовской губ. у насъ были еще остатки революціонныхъ поселеній, то В. Н. рѣшила перебраться съ свои-

ми друзьями—Ю. Богдановичемъ, И—нымъ-П—вымъ и Соловьевымъ—туда же для организациі деревенскаго поселенія. Она, помнится, избрала Вольскій уѣздъ (Саратов. губ.), гдѣ она и поселилась въ качествѣ фельдшерицы, а ея товарищи—въ положеніи волостныхъ писарей. Такъ было возстановлено старо-саратовское поселеніе подъ именемъ ново-саратовскаго.

Одновременно съ этимъ мы ближе познакомились и, наконецъ, совершенно сошлись съ кружкомъ М. Н. Ошаниной (кружокъ «централистокъ»), о которомъ я выше упомянулъ.

Умная Марія Николаевна рѣшила, наконецъ, поступиться нѣкоторыми своими яковинскими воззрѣніями и симпатіями, ради практической необходимости дѣйствовать сообща и планомерно, и пристала къ намъ на условіяхъ тѣсныхъ федеративныхъ обязательствъ. Она со своимъ кружкомъ вмѣстѣ съ членами нашей организациі—Квятковскимъ, Поповымъ, Баранниковымъ, Фроленко и Тулисовымъ—образовали поселенческую группу, избравъ мѣстомъ дѣятельности Воронежскую губернію. Такъ стало образовываться воронежское поселеніе. Наконецъ, въ Тамбовской губерніи образовалось третье революціонное поселеніе. Въ составъ его вошли Сергѣй Андреевъ («Андреевъ»), Мощенко и я—изъ саратовскаго поселенія, «Титычъ», Э. Пекарскій, Гартманъ («Алхимикъ»), Архангельскій, Хотинскій, Девель и еще съ десятокъ лицъ мѣстной интеллигенціи, по преимуществу народныхъ учителей. Между нами были три волостныхъ писаря и помощникъ, одинъ врачъ, три фельдшера, а остальные — учителя. Девель жилъ въ Тамбовѣ и представлялъ собою «центръ». Онъ много сдѣлалъ для насъ. Дѣльный, серьезный, практическій, съ нѣкоторыми связями въ городѣ, онъ былъ для насъ незамѣнимъ. Такимъ образомъ, съ весны 1878 года землевольцы снова собрались съ силами и вкупѣ съ другими народниками-революціонерами создали новыя и реставрировали старыя революціонныя поселенія. Такъ образовались тамбовское, ново-саратовское и воронежское поселенія.

Организациа поселеній, лица, входившія въ составъ поселеній, не оставляли желать ничего лучшаго. Всѣ они старые наши знакомые, люди вполне испытанные, надежные, глубоко преданные народу, многіе даровитые. Можно было надѣяться, вполне рассчитывать на успѣхъ. Но—увы!—наши надежды съ самаго начала были отравлены ядомъ сомнѣній и основательныхъ тревогъ. Гдѣ наши легіоны? Насъ такъ мало: все—старая гвардія, ветераны. Гдѣ же молодыя силы, могущія насъ замѣнить въ случаѣ нашей убыли? А именно этихъ молодыхъ силъ въ нашихъ деревенскихъ поселеніяхъ почти-что не было. Въ тамбовскомъ поселеніи, наприимѣръ, былъ лишь одинъ единственный Пекарскій, правда, сразу зарекомендовавшій себя съ лучшей стороны, но все-таки одинъ только. Вскорѣ, впрочемъ, къ намъ присоединился въ Тамбовѣ еще одинъ «молодой», студентъ Казарскій.

Во время пребыванія нашего зимою 1877-78 г. въ Петербургѣ, мы звали молодежь въ деревню. Молодежь, если хотите, не глуха была къ нашему зову, она вполне раздѣляла наши народническія воззрѣнія и стремленія, но ее больше привлекалъ городъ,

съ его интенсивными эмоціями. Во время стачекъ молодежь добровольно оказывала намъ дѣятельную помощь. Деревню же она любила «изъ прекраснаго далека».

Въ деревнѣ надо работать долго и упорно, «безъ шума».

Въ городѣ же какъ разъ въ это время стало уже вырисовываться новое направленіе, манящее къ себѣ молодежь.

И поневолѣ пришлось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть деревенской работы исключительно «старикамъ». Между стариками же, ушедшими въ деревню, было много отмѣченныхъ печатью «нелегальности»: правительство зорко слѣдило за ними...

Несмотря на ихъ опытность, способность уклоняться отъ правительственныхъ сѣтей, положеніе ихъ въ деревнѣ все-таки было неустойчиво, шатко...

Все это предвѣщало мало хорошаго.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ складывалась жизнь новыхъ революціонныхъ поселеній въ деревнѣ въ началѣ 1878 года.

Глава VII.

1878 годъ. Канунъ террористическаго періода народнически-революціонной дѣятельности. Террористическое настроеніе. День 31 марта 1878 года: оправданіе В. И. Засуличъ судомъ присяжныхъ въ Петербургѣ. Значеніе этого дня въ исторіи развитія общественнаго сознанія. „Дезорганизаторская“ группа общества „Земля и Воля“ преобразовывается въ „Исполнительный Комитетъ“ этого общества. Дѣятельность „Исполнительнаго Комитета“. Покушеніе Осинскаго на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и убійство революционеромъ Попко жандармскаго офицера Гейкина. Освобожденіе Стефановича, Дейча и Быхановскаго изъ Кіевской тюрьмы въ маѣ 1878 года. Попытка въ іюлѣ освободить Войнаральскаго на пути слѣдованія его въ Харьковскую центральную тюрьму. 24 іюля военный судъ надъ Ковальскимъ и его товарищами въ Одессѣ. Уличная демонстрація. Кровавое столкновеніе. Двѣ попытки въ теченіе того же мѣсяца освободить Омина изъ Харьковской тюрьмы. Убійство Мезенцева 4 августа 1878 года. Брошюра Кравчинскаго по этому поводу. Политическая борьба фактически выдвигается на первый планъ. „Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ“ ставитъ ребромъ вопросъ о политической борьбѣ. Отношенія землевольцевъ къ „Союзу“. Органъ „Земля и Воля“ №№ 1-й и 2-й (25 октября и 15 декабря 1878 г.). Итоги 1878 г.

Началу 1878 года суждено было стать прологомъ къ цѣлому ряду крупныхъ революціонныхъ актовъ, опредѣлившихъ въ послѣднемъ счетѣ радикальный поворотъ революціонно-народнической (землевольской) дѣятельности въ сторону почти исключительно политической борьбы. Намъ, современникамъ, стоявшимъ тогда такъ близко къ этимъ событіямъ и проникнутымъ тогда революціонно-народническою доктриною, и въ голову не могло притти, что мы вскорѣ очутимся опять на распутьи, что такъ скоро потеряемъ наши народническія стремленія, надежды и чаянія—и очутимся въ концѣ-концовъ въ тупикѣ.....

Мы снова водрузили знамя «въ народъ!» и двинулись туда, чтобы продолжать задуманное дѣло—дѣло освобожденія народа при посредствѣ самого народа. «Деревенщина» стала понемногу раздѣзжаться, въ Петербургѣ остался «центръ» съ его мѣстными группами, какъ это полагалось «по положенію».